

«Я ВЕРНУЛАСЬ С ВОЙНЫ»: ДНЕВНИК КОРОНАВИРУСА ПО ТУ СТОРОНУ «КРАСНОЙ ЗОНЫ»

Екатерина Сажнева

В моей жизни было всё. И даже коронавирус. Есть такая рубрика в газетах «Журналист меняет профессию», в этом случае было так — журналист меняет диагноз

Я спецкор «Московского комсомольца» Екатерина Сажнева, писавшая на тему Донбасса и Сирии, за 20 с лишним лет работы в СМИ побывавшая во многих горячих точках — Чечне, Косово,

Нагорном Карабахе, Южной Осетии, Беслане, Дамаск и Алеппо, и нет таких громких событий и ЧП, которые я хотя бы краем не освещала...

С другой стороны, это ведь тоже в некотором роде война, которую нам объявила болезнь.

Ну что могу сказать... мне повезло. Тема года нашла меня сама, и было уже не отвертеться.

Я точно знаю место и время, где встретилась с коронавирусом, — 27 марта 2020 года, аэропорт Шереметьево, терминалы В и F. Я находилась там в составе Общественной наблюдательной комиссии Московской области, членом которой являюсь, мы с коллегами-правозащитниками инспектировали отдел полиции и пограничную службу.

Потом уже подсчитала, что в день, когда я подхватила заразу, в Москве были инфицированы всего 705 человек. Так что, можно считать, это была судьба.

Четыре дня спустя, 30 марта, моя жизнь изменилась самым кардинальным образом.

Выдержки из дневника, опубликованного в «МК»:

«Мамочка, это может происходить с кем угодно, только не со мной, думала я. От отрицания, что, наверное, я просто переутомилась, до гнева: Почему так? Когда в стране столько всего происходит, я, как дура, свалилась с непонятной болячкой», — первая статья от 30 марта писалась прямо в карете скорой помощи. А вторая уже в изолированном боксе Солнечногорской инфекционной больницы, куда меня привезли:

«Сегодня ко мне в изоляцию доставили 17-летнюю девочку Полину. С теми же симптомами: высокая температура, головная боль, кашель. К Полине приехала та же врач, которая несколько дней назад забрала и меня в Солнечногорскую ЦРБ. Выписала срочную госпитализацию. Мне оставалось только ждать — вторая койка двухместного полностью изолированного бокса как раз была свободна», — из публикации от 2 апреля.

А вот репортаж о буднях районной больницы, её персонала, оказавшегося вдруг на передовой:

«Санитарка — добрая женщина по имени Валентина Васильевна. Ей хорошо за шестьдесят пять. В свой последний день работы перед концом дежурства она поделилась радостной новостью: губернатор Подмосковья обещал прибавку к зарплате младшему персоналу в 10 тысяч рублей. За условия, приближённые к боевым», — из публикации от 6 апреля.

Почему именно дневник? Личные записки, часть которых сперва шла в Фейсбуке, а потом были напечатаны на газетных страницах?

Во-первых, это был единственный способ как-то держать себя в форме, не впадать в истерику, во-вторых, на тот момент, конец марта, журналистов по ту сторону «красной зоны», кстати, тогда она ещё так не называлась, были единицы.

В-третьих, на самом деле информации о том, что происходит, оказалось катастрофически мало, особенно из первых рук, даже у специалистов. Я помню, как вечером после госпитализации на мой мобильный телефон позвонил лично Леонид Рошаль, узнать, как самочувствие, спросил: «А симптомы-то какие?»

Звонили телевизионщики, которым нужно было срочно взять у меня интервью, звонили из-за границы, спустя несколько дней начали звонить люди, которые так или иначе оказались в подобной ситуации — заболели.

Со временем моя личная история разрасталась и становилась историей общей. Я писала о больных и здоровых, делала интервью (естественно, по телефону) с врачами, изучала природу вируса и о социальных, экономических, психологических проблемах пандемии, которых хватало.

В день, я подсчитала, в газете в среднем выходил один мой материал. Всего за апрель мои статьи в «МК» в совокупности прочитали порядка двух миллионов человек.

Я успела побывать во всех ипостасях — не верящей в эпидемию, заразившейся, выздоравливающей, и всё это находило отражение в статьях в «Московском комсомольце».

Моё утро начиналось с обхода врачей, чьих лиц я не видела, измерения температуры, неизменного звонка редактора: «Ну что, лежишь? Давай пиши что-нибудь, не закасай».

На самом деле это я сейчас такая весёлая, а тогда было очень тяжело. С температурой за 38, в неизвестности, в соседней палате умирают люди — это было видно, так как одна из стен нашего инфекционного бокса была стеклянной.

Конечно, ситуация подстёгивала творческий порыв, если это можно так назвать, с другой стороны, это была попытка чисто психологически защитить себя, свою психику, свою семью. Работа — это то, что всегда спасает.

С дочкой Полиной мы лежали в одной палате

*Лиц врачей, лечивших меня, я не видела.
Но позже узнала, что двое из четверых
умерли.*

*ПЦР-диагностика и проверка сатурации:
так это было*

Я была не только пациентом, прежде всего я оставалась журналистом.

Когда-то в одном из своих репортажей из Южной Осетии в 2008 году написала следующее: мы, репортеры, любим приезжать в горячие точки, собирать информацию, чтобы выдать её к публикации как можно скорее, а потом купить билет на самолёт и вернуться домой, в свою нормальную жизнь...

Дистанцироваться, без полного погружения в чужие проблемы — иначе не выплыть, выгореть, рано или поздно выжечь себя без остатка...

В этом случае такого быть не могло.

Я сама стала одной из тех, про кого писала. И даже после выписки, то есть относительно благополучного окончания личной истории, я всё равно продолжала вести эту тему. Поневоле становясь экспертом. Теперь со всеми проблемами ковида коллеги и друзья обращаются ко мне.

Наверное, в чём-то мне и «повезло», оказаться в этой шкуре изнутри, но всё же я не медицинский журналист и, даже описывая какие-то сугубо профессиональные вопросы, например проблемы диагностики и статистику смертности, делаю это через призму человеческих судеб.

Как, например, в трагической истории скончавшейся от последствий коронавирусной инфекции самой юной москвички — 2-летней Маруси Паршиковой.

«Ребёнок поступил в московскую детскую больницу вечером 18 мая. На тот момент симптомы были следующие: 7 дней лихорадка 37,5—39,5. Последние сутки температура сбивалась плохо, диарея, опухшие покрасневшие глаза, яркие губы, и самое основное — подозрительная сыпь на ладонках и стопах», — публикация от 1 июня 2020 года.

Или радостной — о спасении 100-летней Зинаиды Афанасьевны Новиковой, самой старой жительницы столицы, выжившей после ковидной пневмонии. Так получилось, что я знала её и до болезни — в прошлом году гуляла на юбилее пенсионерки, так что для меня это была двойная радость, оттого что моя героиня осталась в живых.

«На выписку Зинаиды Афанасьевны с букетом белых роз приехал её лечащий доктор, накануне ушедший в отпуск. Интересно, о чём думала бабушка, возвращаясь домой, который, быть может, уже и не чаяла увидеть? Возмож-

но, вспоминала родную деревню, куда, как призналась она мне в свой столетний юбилей, до сих пор рвётся душа», — публикация от 3 июня 2020 года.

Ну и возвращение в мирную жизнь, если таковое всё-таки состоялось, каким оно будет. Каким должно быть. Для меня это прежде всего реабилитация в клинике медицинской реабилитации Семёновского университета, — то есть то, что должно быть у всех переживших ковидную пневмонию пациентов, количество которых в нашей стране на 4 августа 2020 года 861 тысяча человек.

Постковидный мир, насколько он изменился и насколько изменил всех нас, болевших, не болевших и писавших об этом?

Этот вопрос я задала в интервью писателю-фантасту и, кстати, врачу по первой профессии, автору «Ночного дозора» Сергею Лукьяненко.

«Если бы это был ваш роман — как бы вы его закончили? Хеппи-эндом?

— Нет никаких оснований считать, что все умрут. Я бы, скорее, завершил его тем, что люди наконец задумались о своей жизни, что в итоге эпидемия изменила нас к лучшему» — публикация от 1 мая 2020 года.

Когда я отсылала свои статьи на конкурс, я не знала, какие из десятков опубликованных материалов выбрать, потому что все они — часть меня. И всё-таки взяла не о том, о чём писала в самые страшные, первые дни, а о будущем, которое нас ожидает. **Потому что, несмотря ни на что, жизнь продолжается, мы возвращаемся с войны.**

«Я узнаю своих из тысячи. Переживших ковид и теперь страдающих от его последствий. Среди знакомых ковидников 35+ нет ни одного, кто выбрался бы из этой болячки совершенно без потерь для здоровья.

У подружки так и не вернулось обоняние, у ещё одной полностью расшатались сосуды головного мозга...

К сожалению, на данный момент в России отсутствует полноценная государственная программа реабилитации после перенесённого COVID-19».

Именно эту публикацию, в числе трёх, я в итоге отправила на суд жюри, так как, по моему мнению, это одна из тех глобальных проблем, которые ещё только предстоит решить в нашей стране, — восстановление и осмысление.

✎